

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПСИХОЛОГИИ ЛИЧНОСТИ

МНОГОМЕРНАЯ ДВОЙСТВЕННОСТЬ АКТУАЛЬНОГО СТАТУСА ПСИХОЛОГИИ ЛИЧНОСТИ В СВЯЗИ С ПРОБЛЕМОЙ ЕЕ ОСНОВАНИЙ

А. А. Бреусенко-Кузнецов
*Международный институт
глубинной психологии,
Киев, Украина,
e-mail: br.kuznetsov@gmail.com*

Статья посвящена рефлексии над актуальной ситуацией развития мировой психологии личности и выявлению симптомов, свидетельствующих о наличии дефиците осознания метафизических составляющих в системе оснований этой науки. Данная ситуация характеризуется а) многообразием подходов к личности и б) двойственностью отношения ученых к этому многообразию: как к ресурсу; как к угрозе. Анализируются и осмысливаются существующие способы различения инвариантных и вариативных компонентов в системе оснований психологии личности. Проявляются причины двойственного положения психологии личности в системе психологического знания (как самостоятельной отрасли и как раздела общей психологии). Предлагается новое понимание дифференциации конкурирующих профессиональных образов мира у психологов, условно причисляемых к сферам «науки» и «практики». Выявляются конфликтные стороны интегративных задач современных «персонологических» проектов. Анализ показал, что актуальная ситуация развития мировой психологии личности представляет собой многомерный конфликт. Ядром данного конфликта признано двойственное решение вопроса о метафизике в психологии (как следствие давнего антагонизма между позитивистским и метафизическим мировоззрениями). Предлагаемый автором способ разрешения конфликтной ситуации предполагает преодоление сциентистских табу на метафизическое умозрение в рамках научной психологии с опорой на принцип методологического плюрализма.

Ключевые слова: психология личности, персонология, общая психология, история психологии, философская методология, метафизика, позитивизм, сциентизм, научность, мировоззренческий конфликт, методологический плюрализм.

Для цитаты: Бреусенко-Кузнецов А. А. (2019). Многомерная двойственность актуального статуса психологии личности в связи с проблемой ее оснований // Методология и история психологии. Вып. 1. С. 5–27.

Общую *проблему*, к разрешению которой устремлена статья, составляет реабилитация в научном статусе метафизической традиции в психологии личности. Данная проблема имеет комплексный характер, к тому же ее разработка осложняется особой поляризацией и идеологической нагруженностью мнений психологов. Рамки этой статьи не позволяют нам очертить ее во всей полноте содержания, но позволяют аргументировано заявить о ее актуальности.

Цель, которую мы ставим, состоит в анализе актуальной ситуации развития мировой психологии личности и выявлении симптомов, свидетельствующих о наличном дефиците осознания метафизических составляющих в системе оснований этой науки.

Задачи статьи акцентируют конкретные аспекты цели и предполагают анализ и осмысление: 1) инвариантных и вариативных компонентов в системе оснований психологии личности; 2) двойственного положения психологии личности в системе психологического знания (как самостоятельной отрасли и раздела общей психологии); 3) конкурирующих профессиональных образов мира у психологов, условно причисляемых к сферам «науки» и «практики»; 4) конфликтующих интегративных задач прежних и новейших «персонологических» проектов.

1. Инвариантное и вариативное в системе оснований психологии личности

Относя к кругу актуальных проблем современной психологии личности необходимость вычленения инвариантных и вариативных компонентов в системе ее оснований, мы не воспринимаем эту проблему изолированно. С ней тесно связана и другая (заявленная нами во второй задаче): считать ли психологию личности самостоятельной психологической наукой, либо – завершающим разделом общей психологии.

Если подходить к теме личности в традиционной общепсихологической логике аналитического дробления, кажется разумным основное внимание уделить достоверным данным о направленности, темпераменте, способностях и характере человека, а понимание личности как целого со всеми досадными разночтениями оставить на периферии изложения.

Если же ориентироваться на специфику предмета психологии личности, то обращаться к нему уместней в более плюралистичной логике, чем при рассмотрении отдельных психических процессов. Вариативность подходов и живой диалог точек зрения, составляющие существенную сторону гуманитарного знания вообще, в психологии личности по срав-

нению с другими психологическими науками проявились особенно ярко.

Нетрудно заметить, что именно гуманитарно мыслящие психологи склонны акцентировать в персонологическом знании начала множественности, тогда как сторонники естественнонаучной парадигмы тяготеют к унификации. Типичной целью ученого-гуманитария в отношении самой проблемы инвариантного/вариативного есть *понимание*, а целью естественника – скорее *преодоление*.

Данная проблема эксплицирована в специальных трудах методологов-систематизаторов психологии личности (А. Г. Асмолов, Л. Бинсвангер, Э. Боринг, Л. С. Выготский, С. Мадди, Г. Оллпорт, А. Б. Орлов, Б. Роджерс, В. М. Розин), а также с разной мерой осознанности решается в каждом издании учебно-методической направленности: в учебниках, пособиях, программах учебных дисциплин. Эти издания на сегодняшний день, как правило, тяготеют к одному из двух типов: 1) систематическое изложение психологии личности как науки в едином теоретико-методологическом ключе (отправляющееся от положений некой авторитетной теории); 2) свод многообразия существующих теорий личности.

Первый способ изложения несколько затушевывает различия между научной истиной и авторитетом – и зачастую намеренно выдает за инвариантные начала психологии личности некие вариативные концепты (тем самым он старается предопределить выбор младших коллег в пользу

той или иной методологии, т. е. служит идеологизации науки). Второй способ пугает возможностью дезориентации, создания релятивистской иллюзии отсутствия в психологии личности единых оснований, ведущей к обесцениванию знания.

Корни данной двойственности уходят в историю полемики Л. С. Выготского с Л. Бинсвангером, датированной еще 1927 годом.

Основатель даэзин-анализа предлагал не унифицировать разные психологические школы, а наладить между ними научную коммуникацию на уровне методологии. Автор же культурно-исторической концепции настаивал на необходимости выработки «общей науки», общего подхода на уровне теории, поскольку видел в многообразии точек зрения опасную симптоматику «психологического кризиса».

Современный срез указанной двойственности был специально отрефлексирован В. М. Розиным (Розин, 2004) на примере изданных на рубеже XX–XXI веков учебников А. Г. Асмолова (Асмолов, 2002б) и Л. Хьелла, Д. Зиглера (Хьелл, Зиглер, 1997), представляющих линии Л. С. Выготского и Л. Бинсвангера соответственно. Суть первой линии – в *естественнонаучном* подходе к личности и преодолении кризиса на основе «общей психологии», суть второй – в *гуманитарном* подходе, основанном на диалоге свободных точек зрения.

Соглашаясь с В. М. Розиным по вопросу важности смысловой оппозиции *естественнонаучного/гуманитарного*, заметим, что в упомянутой по-

лемике присутствовал также идеологический аспект. Для Л. С. Выготского, как убежденного марксиста, важную роль в систематизации психологической науки выполнял принцип партийности, а конкурирующие подходы оценивались в плане идеологической полезности и выражения интересов тех или иных социальных классов и групп, откуда ясно, что плюрализм для него был сродни нежелательному компромиссу в классовой борьбе. И речь не только о личной позиции ученого. В рамках СССР диалектический материализм претендовал на роль «единственно верной научной методологии», и построение психологии личности на его основаниях, по-видимому, в принципе не могло быть свободным от контекста задач «классовой борьбы».

Заметим, что и позитивистская версия научной психологии (как и вульгарно-материалистическая) в своем стремлении к унификации психологического знания не является идеологически нейтральной. Она руководствуется собственным – чисто буржуазным – аналогом «классовой борьбы». Таковым выступает «свободная конкуренция», к победе в которой теоретикам личности предлагается стремиться, так как она суть условие научного прогресса. «Свободная конкуренция» в принципе противоположна сотрудничеству, к содержательной коммуникации между конкурирующими точками зрения

она не ведет (зачем, если «должен остаться только один?»); сами ученые-естественники признают не случайным ее функциональное соответствие дарвинистскому эволюционному концепту «борьбы за существование»¹.

Заставить защитников различных теорий личности конкурировать между собой возможно лишь в рамках неких общих правил испытания, задаваемых единой философской методологией. На исключительные полномочия в установлении таких инвариантных правил издавна претендуют методологи науки позитивистского толка (джастификационист Б. Рассел, фальсификационист К. Поппер и др.), являющиеся прямыми наследниками традиции английского эмпиризма: именно отсюда в академической психологии берет начало переоценка внешнего опыта, значения метода эксперимента, статистического способа верификации данных и т. д. Любопытно, что марксистские требования к научному знанию в психологии расходились с позитивистскими не так уже и сильно, во всяком случае, оказались с ними совместимыми.

К идеалам естественнонаучного знания принадлежит свободная конкуренция теорий, ведущая к победе теорий более сильных, однако в области психологии личности данный идеал, по-видимому, не достижим: во-первых, нет безусловно доказан-

¹ Как подмечено И. Бауэром, концепт «борьбы за существование» – проекция на естественную эволюцию жестких конкурентных отношений, специфических для буржуазной рыноч-

ной экономики; таким образом, социальный дарвинизм на уровне базовых идей предшествовал биологическому (Бауэр, 2009).

ных теорий, во-вторых, с окончательным отвержением теорий также возникают сложности. В этих условиях типичным выходом становится компромисс – создание сводной теории-монополиста, объединяющей в себе все открытые эмпирические факты. Слабым местом такой теории становится эклектизм – механическое соединение разнородных доказанных концептов.

Тенденцию эклектизма (особенно характерную для американской психологии) иллюстрирует настойчивый поиск сходства, объединяющего, по крайней мере, большинство частных определений личности. Дихотомию *эклектизм/партикуляризм* в рассмотрении позиций ученых-психологов использовал Г. Оллпорт (вслед за Э. Борингом). Под эклектизмом он подразумевал «систему, которая ищет решение фундаментальных проблем, собирая воедино заслуживающие уважения постулаты нескольких конкретных направлений в рамках психологии...» (Оллпорт, 1998, с. 17). Партикуляризм, напротив, предполагает сохранение логической стройности теоретических моделей, ибо не пытается интегрировать в свои научные построения что-либо им инородное. Жесткий партикуляризм присущ взглядам ученых, отстаивающих крайние позиции в психологической науке (Э. Титченер, З. Фрейд, Б. Скиннер). К эклектикам принадлежат сам Г. Оллпорт, эго-психологи. Крайние проявления эклек-

тизма предполагают построение единой (унифицированной) теории личности, основанной на фактах всех существующих теорий².

Если Г. Оллпорт видит приемлемый выход в эклектизме, то А. Г. Асмолов ожидает будущего меж- и внутридисциплинарного синтеза, который, по его мнению, может быть обеспечен историко-эволюционным подходом в психологии личности, позволяющим «выделить универсальные закономерности развития человека в *биогенезе, социогенезе и персоногенезе*» (Асмолов, 2002б, с. 16). К сложностям, затрудняющим современную познавательную ситуацию изучения закономерностей становления и развития личности, А. Г. Асмолов относит: 1) многогранность феноменологии личности (многообразии проявлений человека в личной и общественной истории); 2) необходимость учета междисциплинарного статуса проблемы личности как предмета внимания социальных и естественных наук, практики и духовной культуры; 3) возросшее влияние и ответственность личности за судьбы исторического процесса. Названные сложности приводят ученого к мысли о необходимости изучения личности в системе методологии науки, включающей следующие уровни: 1) *философской методологии* (задающей стратегию исследования, выполняющей интегративную, критико-конструктивную и нормативно-аксиологическую функции); 2) *обще-*

---

² В этом плане симптоматична книга Б. Роджерса «Человеческая личность: к единой теории» (Rogers, 1972).

научных принципов исследования (здесь надежды возложены на системный и историко-эволюционный подходы); 3) конкретно-научной методологии (системно-деятельностный подход); 4) методики и техники исследования (Асмолов, 1990; Асмолов, 2002б). По-видимому, ученый надеется, что корректное поуровневое применение всех намеченных им принципов и процедур действительно позволит обеспечить инвариантное научное знание о личности.

Думаем, эта уверенность А. Г. Асмолова во многом опирается на применение системного подхода, основной пафос которого как раз и состоит в унификации многообразия, приведении к единому виду множества сложных объектов из самых разных предметных областей науки – как природных, так и социальных. Система как совокупность взаимосвязанных элементов характеризуется целостностью, структурностью, взаимосвязью со средой, иерархичностью, множественностью описаний, а в области психологии к тому же – целеустремленностью и самоорганизацией, что указывает на продуктивность системного описания личности. Но охватывает ли понятие «система» человеческую личность целиком и полностью? Энтузиасты системного подхода ответят утверди-

тельно, и разве что метафизически мыслящие теоретики усомнятся. К важным чертам метафизического стиля познания целостности человека относится признание так называемого «сверхсистемного остатка»³.

Системный подход как таковой предполагает предельный уровень обобщения и абстракции от содержательных контекстов, а потому заведомо нейтрален в плане тех или иных идеологий. Однако в некоторых частных применениях он может выступать как инструмент идеологизации. То конкретно-научное применение, о котором говорит А. Г. Асмолов, – «системно-деятельностный подход», реализуемый в психологии личности представителями школ А. Н. Леонтьева и Л. С. Выготского еще с 1970-х гг., – нейтральным назвать сложно уже потому, что в советский период им удачно обосновывался марксистский тезис о производности индивидуальной личности от общественных отношений: общество как более сложная система формирует свою подсистему, личность, на базе индивида, он же (вполне по Ф. Энгельсу) становится личностью по мере социализации, деятельного присвоения социального опыта посредством механизма интериоризации (перевода интерпсихического в интрапсихическое). Сейчас этот подход сохранил его сторонни-

³ Н. А. Тельнова пишет: «Понятие целостности только частично и в определенных границах, а именно в рамках рационального познания, связано с понятием системы; за этими рамками оно включает в себя металогические и трансфинитные свойства, поэтому не поддается точной экспликации и фиксирует неполноту знания. Человеческое бытие приобрета-

ет статус целостности благодаря допущению сверхсистемного «остатка», не постижимого глубинного слоя, предохраняющего его от распада. Исходя из этого, целостность можно рассматривать с точки зрения системно-функционального подхода и как метафизическую реальность» (Тельнова, 2000).

ками вне связи с прежними идеологическими доктринами, которые он обеспечивал, – но потому ли сохранен, что является истинно инвариантным? Нам думается, что выраженная в нем идея вторичности индивидуального бытия личности по отношению к социальным отношениям «универсальна» именно в своей служебной роли. Он остался востребованным в постсоветское время, так как либерально-демократические преобразования общества ельцинской поры, в которых сам А. Г. Асмолов был задействован на посту министра образования, спускались сверху в весьма тоталитарной манере и требовали методологического обеспечения.

Еще больше подозрений в плане «инвариантности» вызывает уровень философской методологии. В новых условиях А. Г. Асмолов не уточняет, что за философская система мобилизуется им в методологической функции, лишь намекает на ее универсальный характер, но мы помним, что в исходных построениях леонтьевской школы это был диалектический материализм. Сам А. Н. Леонтьев среди крупнейших фигур советской психологии может считаться эталоном верности марксистскому мировоззрению; не случайно ему удалось создать крупнейшую из советских научных школ. В постсоветское время последователи А. Н. Леонтьева (Д. А. Леонтьев, тот же А. Г. Асмолов) предпринимая попытки ретроспективно привязать его творчество к иным философским системам, находят в нем признаки рациональности неклассического типа (Асмо-

лов, 2002а), экзистенциальные мотивы и т. п. Но, думается нам, эти попытки носят в основном декоративный характер. Переориентировать готовую теорию личности на новый философский фундамент путем перетолкования отдельных положений – задача из разряда логических головоломок, а не научного поиска. Полагаем, возникновение такого рода задач неизбежно на поздних стадиях существования подходов, претендующих на инвариантность получаемого знания о личности.

2. Двойственное положение психологии личности в системе психологического знания

Статус психологии личности в системе психологического знания в настоящее время двойственен. Иногда ее рассматривают как *раздел общей психологии* (науки, изучающей общие закономерности развития и функционирования явлений индивидуальной психики), иногда выделяют в *отдельную психологическую науку*.

Для обоих вариантов есть основания. С одной стороны, если общая психология занимается изучением таких классов психических явлений, как психические процессы, психические состояния и психические свойства, то почему бы к ее области не отнести и личность как четвертый класс явлений индивидуальной психики. С другой стороны, личность – интегральное образование в пределах индивидуальной психики (а то и трансцендентное ей), обладающее

столь несходными с другими психическими явлениями свойствами, что его целесообразно рассматривать внутри отдельной науки.

Если искать место психологии личности в системе психологического знания, которую удобно представлять в виде популярной метафоры дерева⁴, она уверенно займет место верхушки. В связи с раскрытием богатства смыслов, проистекающих из данной метафоры, мы будем отступать от традиционной академической стилистики, пользуясь языком образных сравнений и метафор, о чем спешим заранее предупредить ученого читателя.

Стволом дерева, составленного из психологических наук, выступит общая психология, корнями – история психологии, а боковыми ветвями – науки, изучающие психологический аспект отдельных областей человеческой деятельности, жизнедеятельности человека и животных, сфер жизни и т. д.

В этом варианте метафорического дерева психологического знания важно осевое расположение трех наук – психологии личности, общей психологии и истории психологии. Они лежат на оси, пронизывающей дерево от верхушки до самых корней, все же прочие науки занима-

ют периферическое положение. Логика, оправдывающая такое расположение, многопланова. Можем сказать, что это – ось времени, соединяющая прошлое, настоящее и будущее, либо – ось вечной, неподвластной времени духовной субстанции, приводящая в движение связанные с материей акцидентальные компоненты. В любом случае, сохранность оси как центра симметрии – залог выживания древесного организма в целом.

Заметим, что специальность 19.00.01 охватывает данную ось целиком, подтверждая очевидную взаимозависимость наук, ее составляющих. *История психологии* дает возможность рефлексии над исторической преемственностью теорий, взглядов, подходов, традиций, тем самым обеспечивая тот фундамент, на который только и может опираться какая-либо ось; в пределах *общей психологии* устанавливается методология и основной категориальный аппарат, через обращение к которому определяются специальные понятия в частных психологических дисциплинах; *психология личности* составляет устремленную в будущее зону интенсивного роста всего дерева. Здесь впервые выдвигаются идеи, апробируются методологические под-

⁴ Метафора дерева, построенного из психологических наук, восходит к символическому образу философского дерева, которое, согласно специальным изысканиям К. Г. Юнга, – символ развития (Юнг, 2002). Это развитие ведет к целостности, гармонии и совершенству; не зря философское древо и мандала суть соответственно взгляд сбоку и взгляд сверху на одну и ту же развивающуюся к Са-

мости реальность. К символическим образам философского дерева принадлежат рожественская ель и мировой ясень Иггдрасиль, соединяющий уровни мироздания. Психологическое знание именно потому удобно представлять в виде дерева, что оно развивается – и, подобно личности, развивается к целостности.

ходы и создаются научные понятия, которые в дальнейшем обретают статус общепсихологических категорий.

Из сказанного уже ясно, что вопрос, относить ли психологию личности к самостоятельным отраслям психологического знания или к разделам общей психологии, – вопрос не о титуле, а о сути: о том, какой ей надлежит быть. В самом ли деле верхушка может претендовать на статус отдельного образования, или она – часть ствола? Самостоятельный статус психологии личности таков, что эта психологическая наука всегда оказывается на переднем крае, в авангарде научного поиска, где особенную ценность обретают исследовательская интуиция и воображение. Верхушка дерева психологического знания подвижна и чувствительна к порывам ветра перемен.

Общая психология, напротив, представляет область здоровой консервативности, стабилизирующую разветвленную систему психологических наук вокруг ключевых принципов, сообщающих ей стройное единство. В общей психологии, занимающей положение центра иерархии наук, как нигде важны логичность построения и избирательное внимание, умение выделить главное. Ствол дерева психологического знания должен быть в меру гибким и устойчивым, он должен обеспечивать проводящую функцию и функцию надежного каркаса древесного организма. Без ствола как надежного иерархического центра, ветвящиеся периферические науки, развивающиеся сообразно текущим за-

просам социальной практики, уже давно бы обрели полную автономию как разрозненные станции обслуживания некоторых внепсихологических интересов – и стояли бы хилыми деревцами в кадках поликлиник и средних школ, возлежали бы корягами в затейливых икебанах коммерческих компаний, торчали бы засохшими кустами на шлемах маскирующихся пехотинцев.

В разграничении компетенций общей психологии и психологии личности важна посредническая роль третьей осевой науки. История психологии, имея своим предметом процесс становления психологического знания, отвечает за преемственность сегодняшних парадигм и концепций; в этой науке особенно важны память (эрудиция) и способность к рефлексии. Корни укрепляют дерево в почве, не дают ему улететь, как перекасти-поле, в ту сторону, куда сильнее подует ветерок моды. Проводящая функция корней соединяет сегодняшних исследователей с зафиксированным почвой опытом и силой множества предшественников.

В поступательном процессе роста дерева психологического знания психология личности и история психологии не просто коммуницируют, а выступают в нерасторжимой связке. Любая теория личности еще в момент своего создания становится фактом истории. История психологии дарует поддержку современникам, готовым к диалогу с минувшими субъектами поиска решений вечных психических проблем, и встает тенями забытых предков над головами

любителей изобретать велосипед. История психологии – это длящееся прошлое науки, и это – будущее, уготованное текущей научной современности.

Последним штрихом к уточнению метафоры древа психологического знания будет признание его реальной вариативности. Ибо мы можем говорить не только об идеальном – об универсальном дереве психологического знания, в каждой части которого предполагается плюрализм методологий и теоретических положений, заданных разными психологическими школами. Универсальное древо существует в разных измерениях, в разных частных редакциях, сообразно тому, какая психологическая традиция его выстраивает в конкретном случае.

Поскольку не каждая из сложившихся в психологии научных школ готова к продуктивному диалогу с другими, можно даже условно говорить об отдельно растущих деревьях: психоаналитическом, юнгианском, структуралистском, функционалистском, адлеррианском, бихевиористском, гештальтпсихологическом, когнитивистском, экзистенциально-гуманистическом и т. д. Эти частные деревья в большинстве своем неполны, ибо далеко не каждая научная школа в психологии способна полноценно распространить свое влияние на достаточное количество психологических наук. Учитывая общность судьбы многих психологических школ (и проявляющуюся в разной степени их способность ко взаимному опылению), уместно укрупнить

частные случаи до двух основных версий древа психологического знания: экспериментально-ориентированной и клинически-ориентированной мета-традиций.

Эти версии, наиболее способные к автономному существованию, также имеют свои недостатки. У дерева экспериментальной психологии некогда (в момент ее возникновения) были подрезаны корни, и этот акт (кастрации, отцеубийства, сопротивления?) продолжает ограничивать горизонты ее исторического самосознания. У дерева клинически-ориентированной психологии связь наземной части с корнями более надежна, зато – не столь крепкий ствол и не такая пышная крона. Поскольку клинически-ориентированная психология не разрабатывает проблематику отдельных психических процессов (в чем так сильна экспериментальная психология с ее мощным ригидным стволом), то такие отрасли науки, как, например, инженерная психология и психология труда, оказываются ею не охваченными.

Водораздел между экспериментальной и клинической мета-традициями в научной психологии, проходящий и по области психологии личности, наиболее очевиден и заметен. Однако намечается и другой водораздел – между представителями психологии личности («жителями верхушки дерева») и представителями других психологических наук (ствола, ветвей). Теоретики личности от экспериментальной психологии, прорвавшись в авангарде научных сил своей традиции в науку о

личности как вотчину враждебных клиницистов, сами поневоле изменяются. Сама причастность к проблематике личности вынуждает сдержанных в отношении других предметов исследования представителей экспериментальной традиции делать смелые и самоуверенные обобщения, недостаточно подкрепленные эмпирической базой. К тому же личность (в отличие от других, фрагментарных психических явлений), будучи избранной в качестве предмета исследования, склоняет исследователя к особой ответственности за ее выживание и/или развитие. Ради того, чтобы помочь личности (даже если это абстрактная «личность вообще», существующая в уме исследователя), экспериментаторы поневоле отступают от своих жестких исследовательских канонов. Они по-прежнему свысока относятся к научным построениям представителей клинического стана, но при этом и сами начинают вызывать подозрения у смиренных «труженников ствола».

Не случайно авторы одного из американских учебников по теориям личности К. С. Холл и Г. Линдсей сделали следующие обобщения: 1) в развитии психологии теория личности выступала как *инакомыслие* (бунт против исследовательских паттернов, конвенций, типичных методов и техник); теоретики личности – в основном маргиналы, слабо вовлеченные в академическую жизнь; 2) теории личности *функциональны по направленности*, то есть ориентированы на вопросы, связанные с выживанием индивида (см.

Холл, Линдсей, 1999, с. 19–20). И, мы полагаем, только бесспорное функциональное значение и дает им право на сравнительно безнаказанное инакомыслие.

Свобода творчества преобразует самих ученых. Теоретики личности в сравнении с теоретиками общей психологии, по мнению К. С. Холла и Г. Линдсея, обладают рядом особенностей:

- они более спекулятивны, менее привязаны к экспериментальным и измерительным процедурам, создают сложные многомерные теории;

- они готовы взять в качестве сырья для теоретизирования любой функционально значимый аспект поведения, тогда как большинство экспериментальных психологов работают в заранее очерченном кругу явлений;

- они настаивают, что адекватное понимание индивидуального поведения возможно лишь при изучении его в широком контексте, включающем целостного действующего человека;

- они видят в мотивации (побуждениях или целеполагании) принципиальную проблему, а не одну из многих проблем, решаемых на основе ограниченного числа понятий, связанных с физиологией;

- у них превалирует тенденция к интеграции, а не к специализации (как у типичных экспериментальных психологов, узнающих все больше о все меньшем); они берут на себя ответственность за сбор и структурирование различных открытий специалистов (Холл, Линдсей, 1999, с. 22).

По меткому выражению тех же К. С. Холла и Г. Линдсея, «жесткий гребень позитивизма коснулся психолога, изучающего личность, гораздо легче, нежели психолога-экспериментатора» (там же). И, думается нам, именно в «гребне позитивизма», который «причесал» (унифицировал) консервативную науку – общую психологию, а психологии личности лишь «коснулся», кроется суть расхождения во взглядах на систему оснований и строение знания о личности.

3. «Наука» и «практика» в психологии личности: попытки конкуренции и компромисса научных образов мира

Среди разных контекстов дивергенции «образов психологии личности» наиболее заметный касается сфер деятельности ее субъектов, условно именуемых психологической «наукой» и «практикой». Именно его склонны акцентировать наследники культурно-исторического и системно-деятельностного подходов, коль скоро именно здесь наиболее применимы идеи культурно-исторической детерминации и деятельностного опосредования образа мира.

Так, В. А. Петровский в статье «Общая персонология: наука личности» пишет: «Не составляет какого-либо открытия тот факт, что “психология личности” сегодня – это не одна психология, а две: фундаментальная психология (ее называют еще “академической”) и – практическая психология (практика психологического консультирования). Каждая из двух за-

нимает свою нишу в общественном сознании и жизни общества. Рознь – во всем. Проблемы, подходы, критерии достоверности, категориальный аппарат – все это разное. “Объективность”, “Истина”, “Детерминизм”, “Гипотеза”, “Операционализация терминов”, “Статистические методы”, “Интерпретация результатов”, “Научение” и т. п. – таковы понятия фундаментальной науки. “Субъективность”, “Свобода – Ответственность – Выбор”, “Психотехнический миф”, “Метафора”, “Уникальность”, “Понимание и приятие”, “Рост личности изнутри” и т. п. – так “позиционирует” себя практическая психология. Психологи-исследователи и психологи-практики публикуют свои работы в разных журналах, имеют разную читательскую аудиторию» (Петровский, 2003, с. 20) – и так далее, вплоть до различия в уровне материального благополучия (как весомой детерминанты прироста численности «практиков», а значит – и конкурентных преимуществ).

Уже судя по предложенным спискам понятий, можно предположить, что «фундаментальной» наукой для В. А. Петровского является именно наука экспериментально-ориентированная, тогда как сам факт «позиционирования» практической психологии им оценивается как недостаточно серьезный (не случайно ведь и слово взято в кавычки).

«К факту сосуществования двух психологий, – пишет далее В. А. Петровский, – можно относиться по-разному. Его можно игнорировать (психологи-практики и психологи-исследователи порой как бы не замечают

присутствия друг друга). Его можно принять как должное и, более того, – как веление времени. Но можно усмотреть в этом факте также и симптомы некоего серьезного кризиса, – быть может, одного из самых серьезных за всю историю существования психологии. Симптомы кризиса – вдогон тому, о котором писал Л. С. Выготский в “Историческом смысле психологического кризиса”. И в самом деле, разве не очевидно для нас преимущество сегодняшнего кризиса “двух психологий” с дуализмом “объяснительной” и “описательной” психологии начала XX века? Очередной раз целостность психологии как науки оказывается под ударом» (Петровский, 2003, с. 20). Оценивая сам факт обнаруженных расхождений как тревожный симптом, ученый воспроизводит позицию Л. С. Выготского, резко критичную к тем психологам, которые кризиса в психологии не усматривают⁵.

В настоящее время между «сциентистами-экспериментаторами» и «клиницистами» сложился компромисс по формуле «живи сам и дай жить другому!», который принял форму «разделения сфер влияния». Сциентистам досталась «наука», клиницистам – «практика». Усматривать ли в данной ситуации симптомы кризиса, патологии, либо желанный ресурс свободы профессионального творчества, – это мотивируется взглядами конкретного ученого, каковые, по причине включенности в ситуацию, соотносятся с базовыми убеждениями принятой им стороны.

Конкретные особенности логики профессионального мировосприятия психологов, принадлежащих к условно выделяемым лагерям «науки» и «практики», блестяще отрефлексированы в статье А. М. Эткинды «Психология практическая и академическая: расхождение когнитивных структур внутри профессионального сознания». Автор говорит о «глубоких когнитивных отличиях практической психологии от психологии академической, вызванных принципиальным своеобразием подходов, направленных на изменение человека, в сравнении с подходами, направленными на его исследование» (Эткинды, 1987, с. 20). По его мнению, различие социальных ролей, определяющее специфику психологических навыков профессионалов-исследователей и практиков, порождает логическое своеобразие профессионально-ролевых «образов мира». При помощи классического метода *категориального анализа* А. М. Эткинды обнаруживает специфические формы функционирования в профессиональном сознании таких общих категорий, как пространство и время, причинность и вероятность, субъект и объект и т. д., и на этой основе выделяет характерные способы описания, обобщения и объяснения данных опыта.

Пространство в академической психологии – сообразно требованию инвариантности научной картины мира по отношению к системе отсчета – предполагает *децентрированность*: ни одна из индивидуальных

⁵ См. «Исторический смысл психологического кризиса» (Выготский, 1996).

точек в нем не является привилегированной (в децентрированном пространстве экспериментального исследования выявленные закономерности относятся ко всей выборке в целом и ни к одному испытуемому в отдельности). Для практической же психологии характерна *центричность* когнитивного пространства: естественным его центром является клиент, причем искажения, вносимые центрацией в образ мира, оказываются условиями эффективности практического вмешательства.

Время в экспериментальной психологии условно *обратимо*, что отражено, например, в конструировании психодиагностических методов, ориентированных на *воспроизводимость результатов*. Практическая же психология существует во времени *необратимом*: что сделано – не воротишь, необходимо признание необратимости потерь, неотвратимости перемен, бесповоротности роста. «Жесткий и творческий характер времени является реальностью, сопротивление которой создает бесчисленные личностные проблемы; подлинное же ее принятие ведет к зрелости» (Эткинд, 1987, с. 23).

Причинность – каузальное объяснение – является одной из важнейших задач науки. В общественных науках идеалом научного объяснения является вскрытие причинной роли объективных, неконтролируемых субъектом действий и не осознаваемых им обстоятельств. Но объяснение субъективных явлений объективными обстоятельствами не может удовлетворить социальную практику. В реаль-

ности же «именно субъективным факторам придается первостепенное значение всегда, когда от субъектов действия требуется изменение» (Эткинд, 1987, с. 24). «Интересно, что защитные атрибуции клиентов часто совпадают с теми, которые дал бы их проблемам ученый-исследователь. В обоих случаях основным направлением каузального объяснения являются объективные, независимые от субъекта факторы ситуации» (там же, с. 25).

Вероятность с двух колоколен психологии также видится по-разному. *Вероятностная* структура, характеризующая модели в физике, генетике, экономике и пр., где значение имеют лишь процессы, происходящие на массовом, популяционном уровне, принята и психологами-исследователями, которые тоже конструируют свой предмет как «массовидную выборку». Их модели характеризуют выборку в целом, но к каждому испытуемому относятся лишь с определенной вероятностью. Отношение же к проблемам вероятности и случайности психолога-практика характеризуется *гипердетерминизмом*, в котором случайностям нет места: «Значение может быть придано всему – ответу человека и его молчанию, большим событиям в его жизни и мгновенным изменениям в выражении лица, оговоркам и обманам, опозданиям и приходам до назначенного времени, сновидениям и тестовым данным, тому, что чувствует клиент, и тому, как он сидит» (Эткинд, 1987, с. 26).

Форма обобщения данных также различается: принятая в эксперимен-

тальной психологии обработка данных заключается в анализе матриц данных по *столбцам* (происходит межсубъектное обобщение данных, поиск «трансиндивидуальных инвариантов» человеческого поведения): в практике же принято обобщение по *строкам* условной матрицы данных (обобщение субъективных ситуаций, поиск «трансситуативных инвариантов» поведения).

Разнятся и *способы описания*: для психолога-академиста единственно возможный способ описания – *параметрический* (измерение значений тех или иных переменных величин), в практической же работе используются *метафорические* коды.

Образ человека предстает в таких вариациях: для ученого как субъекта науки характерно отношение к испытуемому как к ее *объекту*, откуда следует и характер дискурса науки – *монологичный*; для практика же важна *диалогичность* психологической помощи, ее адресованность *субъекту*.

Описывая данные «образы мира» практической и академической психологии, А. М. Эткинд, как отрефлектировано им самим, находился на позиции исследователя с ее децентрацией пространства, установкой на объективную каузальность, склонностью видеть описываемые явления типичными для всех и т. д.; переходя же на позицию практика, он подозревает, что выделенные различия есть симптомы хронической болезни, так называемой «профишизии», сущность которой – «в глубоком расщеплении профессионального сознания и в отсутствии адекватной коммуни-

кации между дивергирующими его «половинами»» (Эткинд, 1987, с. 29). Рецепты А. М. Эткинда – диалог позиций, вовлечение практиков в теоретическую деятельность и наоборот.

Солидаризируясь с А. М. Эткиндом в части описания им проблемной ситуации, мы склонны несколько иначе (глубже, как нам кажется), истолковывать ее суть. По нашему мнению, она не в том, что «наука» и «практика» – заведомо противоположные области деятельности, дивергирующие профессиональное сознание психологов. Эта суть, скорее, в противоположности между той специфической методологической ориентацией, которой в данное время придерживается «наука», и другой методологической ориентацией, которую в данное время исповедует «практика». Простое соединение «науки» и «практики» через сближение позиций профессионалов едва ли осуществимо, поскольку такого рода современная «наука» нуждается в соответствующем роде «практики», а актуально сложившаяся «практика», соответственно, – в мировоззренчески приближенной к себе версии «науки». Метафорически выражаясь, у нас нет надежды соединить в единый жизнеспособный организм «переднюю половину коня» и «заднюю часть трепетной лани»; по нашему мнению, и «коня», и «трепетную лань» следует «достроить» до органической целостности, а уж затем – принудить к мирному сосуществованию.

Впрочем, не будем лукавить, абсолютизируя «недостроенность» обоих «организмов». Разумеется, клиничес-

кая практика имеет свои научные основания (и если они не удовлетворяют критериям научности тех психологов, в чьем ведении сегодня «наука», то причина – в ригидности самих критериев). Разумеется также, что и академическая наука имеет свою сферу практического приложения (и если в приложении именно к психологической помощи личности она обретает неожиданно «дегуманизирующий» облик, то таковы издержки выстраивания психологии по лекалам естественных наук). Заметим вдобавок, что в самой идее «конфронтации между наукой и практикой» «наука» и «практика» (в данном контексте), строго говоря, предстают не как научные понятия, а как упрощенные эмблемы двух социальных групп – возникшие не без участия таких механизмов социальной перцепции, как стереотипизация и каузальная атрибуция. Тем фактом, что рядовые «практики» зачастую не строят академической карьеры, заслоняется вполне научный характер их практической деятельности, сопряженный с постановкой исследовательских гипотез и задач. Не говоря уже о том, что основатели ведущих психотерапевтических школ являются учеными уже по факту совершенных открытий в сфере исцеления личностных конфликтов и патологий (ими-то и сформулированы те положения, которые определяют профессиональный образ мира «практиков»).

4. Интеграция и унификация многообразия теорий личности как конфликтующие задачи различных «персонологических» проектов

Термин «персонология» принадлежит Г. Мюррею, который применил его для обозначения собственной теории личности (в узком смысле), но дал основания и для более широкого понимания – в качестве синонима психологии личности, выделяемой в отдельную психологическую науку, а также для самого широкого – в качестве интегративной сферы междисциплинарного научного знания о личности. Собственно, на такой междисциплинарный синтез претендовала и персонологическая теория личности самого Г. Мюррея, но смогла его реализовать только в малой степени. Да и идея междисциплинарного взгляда на личность не нова; по сути, она является версией на тему антропологического подхода, реализованного К. Д. Ушинским («Человек как предмет воспитания»), Б. Г. Ананьевым («Человек как предмет познания») и др. Подобно ананьевскому «человекознанию», «персонология» Г. Мюррея также стремилась к целостному изучению социальной и биологической природы личности, ее развития с учетом влияний среды и социокультурного контекста (Murray, 1938).

Л. Хьелл и Д. Зиглер употребляют термин «персонология» в качестве синонима психологии личности и усматривают в ней «фундамент для лучшего понимания человеческой индивидуальности путем использования разнообразных исследовательских стратегий» (Хьелл, Зиглер, 1997, с. 21), каковое разнообразие следует из отсутствия общепринятого мнения о том, «какой подход следует применять персонологам к изучению личности для объяснения основных аспектов поведения человека» (там же, с. 25). За отсутствием общепринятого мнения авторам остается привести все подходы, какие есть, чему и посвящена их книга, хотя оценки перспектив такой логики разными учеными тяготеют к диаметральной. С естественнонаучных позиций подобный плюрализм – признак незрелости науки (ибо интеграция трактуется как унификация, сведение к единой системе), но для гуманитарного знания обилие разноплановых точек зрения науку только обогащает (ибо интеграция трактуется как общение, диалог культур).

Полагаем, видя в персонологии интегративную науку о личности, не следует ограничивать ее область рамками психологии. Было бы уместным применить в ней культурологический подход, получить на выходе многоуровневую гуманитарную дисциплину о «теориях личности» в самых разных науках – психологических, философских, социологических, педагогических, правовых и т. д. – и закрепить за ней ту логику построения, которая предполагает примат многооб-

разия теорий, общающихся точек зрения на личность, каждая из которых ценна по-своему и потому берется в целостной внутренней логике. Однако термин уже начал употребляться в обратном смысле, как обозначение эклектической дисциплины, собранной из достоверных осколков научного знания, извлеченных из несовершенных «партикулярных» систем.

Примером такого подхода служит книга Б. Роджерса «Человеческая личность: к единой (unified) теории», где якобы приводятся к компромиссу перед лицом беспристрастной истины взгляды З. Фрейда, А. Адлера, К. Г. Юнга, Г. Мюррея, К. Роджерса, бихевиористов, Р. Кеттела, Г. Айзенка, Г. Оллпорта, Ч. Осгуда (Rogers, 1972). На самом же деле в качестве провозвестника такой истины выступает факторный анализ, на основе которого можно построить теорию личности лишь одного типа – теорию черт, а в ее чисто индуктивной логике нет никакой возможности выразить сложные дедуктивные построения. Из богатейшего опыта глубинной и феноменологической психологии извлекаются отдельные рваные куски «достоверного знания» (в полном отрыве от теоретического контекста) и, подвергнутые факторному анализу в методологической традиции теории черт личности, окончательно теряют исходный смысл. Таким разрушительным может представлять внешне «плюралистичный» эклектизм в исполнении бессознательных партикуляристов.

Проект персонологии С. Мадди воспроизводит ту же логику унификации – построения единственной дис-

циплины (хотя и декларирует интегративный ее характер). При этом автор говорит о персонологии не только как о теории, но и как о профессиональной деятельности, в которой уживаются экспериментальные исследования личности, психотерапевтическая и консультационная практика, анализ гуманитарных текстов. Вопрос в том, на какой базе они уживаются и в какой мере востребованы те или иные теоретические идеи.

Отправным пунктом в построении «персонологии» для С. Мадди стал «сравнительный анализ», а также концепции «ядра» и «периферии» личности. С их помощью ученый создает своего рода «карту местности», на которой располагает существующие теории, о которых находит возможность говорить не на их собственном языке. Его концептуализация ценна сама по себе (как своего рода теория личности второго порядка – «теория теорий личности»), но лишает рассматриваемые теории авторского начала.

В своем учебнике по теориям личности С. Мадди с прискорбием констатирует: «С каждым годом в рамках психологии личности проводится все больше экспериментов, но ни один из них не приближает нас к тому моменту, когда мы сможем отказаться от каких-то теорий вследствие их научной несостоятельности. Отсутствие прогресса связано в первую очередь с тем, что большая часть исследований тенденциозна по своей природе» (Мадди, 2002; Maddi, 1970). За неэффективностью экспериментальной проверки С. Мадди прибега-

ет к методу «сравнительного анализа» в предлагаемых им единых координатах (разделение личности на общее для всех людей ядро и индивидуально-типическую периферию с последующим дроблением теорий, их объясняющих, сообразно моделям конфликта, самореализации и согласованности). Приведя многочисленные теории к единообразной логике, легче судить об их научной ценности.

Чтобы охватить в единой модели все (или почти все) теории, ученый предлагает весьма размытое определение личности: «Личность – это конкретная совокупность характеристик и стремлений, обуславливающих те общие и индивидуальные особенности поведенческих проявлений (мыслей, чувств и действий), которые обладают устойчивостью во времени и могут или же не могут быть объяснены только через анализ социальных и биологических факторов, влияющих на актуальную ситуацию функционирования человека» (Мадди, 2002; Maddi, 1970). Так или иначе, определение личности через «совокупность» задает преимущественно эмпирический уровень рассмотрения с приматом частного над общим. Общее (логика сравнительного анализа) задано аналитиком; на долю самих теорий остаются частности.

Подход С. Мадди к освещению теорий личности самобытен, но тенденциозен, вследствие чего учебник хорошо презентирован его собственные взгляды, но крайне уплощенно репрезентирован рассматриваемые теории. В теориях выделяется глав-

ное, но это – главное по версии С. Мадди. Применение им сравнительно-аналитического метода изложения теорий других авторов вычищает из них все самобытное, делает их, прямо скажем, неузнаваемыми и однотипными в своей обезличенности (в связи с чем порицаемый ученым «доброжелательно-эkleктичный» стиль изложения других учебников⁶ нам хочется поощрить как проявление доброй воли). Посему, хотя С. Мадди и заявляет о себе как об ученике Г. Мюррея и Г. Оллпорта, его способ презентации существующего диалога персонологических точек зрения существенно сциентистский по духу. К тому же нам представляется, что во взгляде С. Мадди на существование теорий личности уж слишком гипертрофирована идея борьбы теорий за выживание⁷.

К новейшим интегративным проектам в психологии личности принадлежит «общая персонология» В. А. Петровского и Е. Б. Старовойтенко, призванная соединить четыре направления исследований: фундаментальную персонологию, культурную, консультативную и персонологию самополагания. Как пишут авто-

ры, «для нас общая персонология – отдаленное эхо проекта “общей науки” Л. С. Выготского, сфокусированной на феномене личности в универсуме жизни. И символом этой новой науки является треугольник Теория – Герменевтика – Практика, имеющие своим предметом личность, индивидуума в единстве его отношений с собой, с миром, с Другими, с жизнью» (Петровский, Старовойтенко, 2012, с. 23–24).

Полагаем, «отдаленное эхо» общей науки привнесено в данный проект В. А. Петровским, вместе с характерным для Л. С. Выготского катастрофизмом в восприятии происходящего в психологии разномыслия. К важным целям построения персонологии как «общей науки» В. А. Петровский относит преодоление разрыва между теорией и практикой, о котором мы упоминали выше. При этом «общая персонология» заявлена как мультипарадигмальная дисциплина, синтезирующая парадигмы «жизни» (от А. Шопенгауэра и Ф. Ницше до С. Л. Рубинштейна), «жизненных отношений» (от В. Н. Мясищева до Е. Б. Старовойтенко), «отраженной субъектности» (от З. Фрейда до А. Н. Ле-

⁶ К этому якобы изжившему себя стилю С. Мадди причисляет известный учебник по теориям личности К. С. Холла и Г. Линдсея (Холл, Линдсей, 1999), к нему же, определенно, принадлежат учебники Л. Хелла и Д. Зиглера (Хелл, Зиглер, 1997), Р. Фрейджера и Дж. Фейдимена (Фрейджер, Фейдимен, 2006), равно как и наш курс лекций по зарубежным теориям (Брусенко-Кузнецов, 2008).

⁷ Не надеясь на эксперимент как средство «зачистки» и унификации, он предлагает для этой цели «сравнительный анализ». И что же: на

первом же «кастинге» он исключает из рассмотрения две теории: К. Левина и К. Г. Юнга, на том якобы основании, что обе они сейчас непопулярны (Мадди, 2002; Maddi, 1970), – основание, субъективистское по самой своей сути, да и очевидно нерепрезентативное к тому же. Если эти теории не укладываются в схему анализа С. Мадди, то здесь, по-видимому, дело не в их качестве (тем более не в популярности), а в том, что схема – не универсальна.

онтьева и В. А. Петровского), «Я» (от И. Г. Фихте до Э. Гуссерля и М. Хайдеггера), «культуры» (различные герменевтические модели).

Возникает парадокс: как совместить декларируемый плюрализм с непризнанием научности за инопарадигмальными клинически-ориентированными направлениями? Неужели к «фундаментальному» направлению планируется отнести не все парадигмы из заявленных?

Так или иначе, стоя на позиции «общей науки», В. А. Петровский дает понять, что рассматривает опознанную им ситуацию кризиса как повод для конкуренции. И даже в позитивной программе выхода, в создании интегральной науки – «общей персонологии», он предполагает лишь видимость теоретического сотрудничества с коллегами-«практиками»: привилегированная «теория» остается в своем статусе, но становится «практико-ориентированной», «практика» становится «теоретико-ориентированной», а их согласование обеспечивает «экспериментальная персонология». Учитывая изначальную ориентированность «общей науки» на эксперимент, данный синтез «науки» и «практики» больше напоминает ассимиляцию. Поскольку же под «практикой» все-таки понимается не сама практика, а *клинически-ориентиро-*

ванная наука, на данных условиях самонадеянно рассчитывать на встречные шаги персонологов-клиницистов, чью методологию стараются косвенно обесценить.

Итак, проблема личности имеет междисциплинарный статус, что дает основание говорить о необходимости интегральной науки о личности, каковая получила название «персонология» (Г. Мюррей) и существует в проектах самого Г. Мюррея, а также С. Мадди, В. А. Петровского и Е. Б. Старовойтенко (Murray, 1938; Maddi, 1970; Петровский, Старовойтенко, 2012). Причем если у Мюррея и Мадди в синтезе участвует психология личности как самостоятельная дисциплина, то В. А. Петровский и Е. Б. Старовойтенко в проекте «общей персонологии» ориентируются на «общую науку» в понимании Л. С. Выготского. Таким образом, вышеуказанная двойственность взгляда на актуальное многообразие подходов к личности воспроизводится и здесь.

Мы вкратце описали актуальную ситуацию в психологии личности – расстановку сил и общее состояние того контекста, в который мы надеемся вновь ввести персонологические⁸ идеи, принадлежащие к хорошо забытой старой метафизической традиции. Однако психология личности

⁸ Здесь под персонологией мы подразумеваем уже не специальные проекты С. Мадди, либо В. А. Петровского и Е. Б. Старовойтенко, а психологию личности в *плюралистической* логике ее построения (как множественности самостоятельных теорий), а также спонтанно складывающуюся по тому же принципу область теорий личности из смежных дисциплин:

филологических, педагогических, социологических, филологических, правовых и т. д. Такое употребление термина позволяет, в частности, относить к персонологическим теоретические построения о личности, принадлежащие к метафизической традиции, безотносительно к решению вопроса об их принадлежности к научной психологии.

– лишь одна из наук, а в отношении метафизики, как мы знаем, ставился вопрос несоответствия канонам научного знания как такового. Данный вопрос нам потребуется прояснить отдельно в будущих статьях.

Здесь же осталось упомянуть о том методологическом ресурсе, на который уместно опереться при реабилитации метафизической традиции в психологии личности. Это прежде всего идеи *методологического плюрализма* (Л. П. Лопатин, Т. Кун, И. П. Маноха, П. Фейерабенд, Г. И. Челпанов, А. М. Эткин), составляющие важный аспект гуманизации и гуманитаризации современного психологического знания. Методологический плюрализм ведет к а) освобождению психологии от диктата способов познания, традиционных для знания естественнонаучного, от методологических рамок дающих ученым иллюзию гарантии надежности и объективности выводов, но при этом не вполне учитывающих специфику психической реальности; б) возвращению в предметную область психологии существенных проблем человеческого бытия (оставленных ею в период становления в качестве эмпирической науки). Наши надежды на принцип методологического плюрализма связаны с тем, что он предполагает преодоление сциентистских табу на метафизическое умозрение в рамках научной психологии.

Также стоит назвать культурологический подход в истории психологии (В. А. Роменец, И. П. Маноха), идеи диалога культур в применении к гуманизации и гуманитаризации науки и об-

разования (Г. А. Балл, В. С. Библер), герменевтический и экзистенциально-феноменологический подходы к обретению научного знания в психологии (К. А. Абульханова-Славская, Л. Бинсвангер, М. Вебер, Х.-Г. Гадамер, В. Дильтей, С. Л. Рубинштейн, М. Хайдеггер, К. Ясперс). И разумеется, важные для исследования методологические идеи есть надежда почерпнуть у представителей самой метафизической традиции в психологии личности.

Выводы

1. Современная ситуация в развитии мировой психологии личности характеризуется а) многообразием подходов к личности и б) двойственностью отношения к этому многообразию: как к *ресурсу*; как к *угрозе*. Первый тип отношения характерен для гуманитарных наук и предполагает *диалог* целостных концепций, второй тип воспроизводит логику естественных наук и требует *унификации* знаний внутри единой теоретической конструкции.

2. Диалогичный характер и плюралистическая логика построения присуща психологии личности как самостоятельной науке, тогда как стремление к соперничеству и унификации характерно для понимания психологии личности как раздела существующей общей психологии, либо – готовящегося проекта «общей науки» (в понимании Л. С. Выготского).

3. Указанные различия в понимании текущей ситуации в психологии личности между двумя группами ученых происходят из двойственности

профессиональных образов мира, какковую А. М. Эткинд и В. А. Петровский объясняли за счет различий в способах профессиональной деятельности, предписанных сферами «науки» и «практики»; мы же утверждаем, что в ее основе лежит приверженность разным генерализованным методологическим ориентациям, борющимся за господство в психологической науке. Последние можно назвать «позитивистской» и «метафизической» (в широком смысле).

4. Имевшие место попытки интеграции психологии личности как самостоятельной научной дисциплины, включая и новейшие персонологические проекты, с неизбежностью воспроизводят конфликтную дихотомию «гуманитарной» модели (интеграция в форме диалога целостных теорий) и «естественнонаучной» (интеграция как унификация, соподчинение).

5. Конфликт двух логик построения системы оснований психологии личности, 1) *общепсихологической*, тяготеющей к монизму теоретико-методологических оснований естественнонаучного типа, вынужденно эклектичной и ассоциирующейся с «наукой», и 2) *персонологической*, тяготеющей к плюрализму подходов, характерному для гуманитарного типа знания, к свободному диалогу партикулярных логик отдельных теорий и ассоциирующейся с «практикой», – признан производным от конфликта позитивистского и метафизического мировоззрений. И тот факт, что метафизическая мысль, вытесненная за пределы научности еще на заре становления научной психоло-

логии, по прежнему составляет фундамент одной из сторон в многомерных конфликтах актуального развития психологии личности, становится косвенным подтверждением значимости рефлексии над ее метафизическими основаниями.

6. Предлагаемый нами способ разрешения конфликтной ситуации в развитии мировой психологии личности предполагает преодоление сциентистских табу на метафизическое умозрение в рамках научной психологии с опорой на принцип методологического плюрализма.

Литература

Асмолов А. Г. (1990). Психология личности. М.: Изд-во МГУ.

Асмолов А. Г. (2002а). Деятельность и установка // Асмолов А. Г. По ту сторону сознания: методологические проблемы неклассической психологии. М.: Смысл. С. 16–166.

Асмолов А. Г. (2002б). Психология личности. М.: Смысл.

Бауэр И. (2009). Принцип человечности: Почему мы по своей природе склонны к кооперации. СПб.: Издательство Вернера Регена.

Бреусенко-Кузнецов А. А. (2008). Теории личности: зарубежный опыт теоретизации. Курс лекций. К.: Миллениум.

Выготский Л. С. (1996). Психология развития как феномен культуры. М.: Институт практической психологии; Воронеж: НПО «МОДЭК».

Мадди С. (2002). Теории личности: сравнительный анализ. СПб.: Речь.

Оллпорт Г. В. (1998). Личность в психологии. М.: Ювента; СПб.: Ленато.

- Петровский В. А.* (2003). Общая персонология: наука личности // Известия самарского научного центра Российской академии наук. Специальный выпуск «Актуальные проблемы психологии». Самара. С. 20–29.
- Петровский В. А., Старовойтенко Е. Б.* (2012). Наука личности: четыре проекта общей персонологии // Психология. Журнал Высшей школы экономики. Т. 9. № 1. С. 21–39.
- Розин В. М.* (2004). Возможно ли целостное изучение личности? // Мир психологии. № 4. С. 86–98.
- Тельнова Н. А.* (2000). Феномен целостности человека: метафизический статус и методология исследования. Волгоград: Офсет.
- Фрейджер Р., Фейдимен Дж.* (2006). Личность. Теории, упражнения, эксперименты. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК.
- Холл К. С., Линдсей Г.* (1999). Теории личности. М.: ЭКСМО-Пресс.
- Хьелл Л., Зиглер Д.* (1997). Теории личности. СПб.: Питер.
- Эткинд А. М.* (1987). Психология практическая и академическая: расхождение когнитивных структур внутри профессионального сознания // Вопросы психологии. № 6. С. 20–30.
- Юнг К. Г.* (2002). О природе психе. М.: Рефл-бук; К.: Ваклер.
- Maddi S. R.* (1970). Personality Theories: A Comparative Analysis. Homewood, IL: The Dorsey Press.
- Murray H. A.* (1938). Explorations in Personality. New York: Oxford University Press.
- Rogers B.* (1972). Human Personality. Towards a Unified Theory. New York, Washington, Hollywood: Vantage Press.